

ОТ «КАЗИ-МУЛЛЫ» К «БУЙНОМУ ТЕРЕКУ»: К ВОПРОСУ ТВОРЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОМАНА ХАДЖИ-МУРАТА МУГУЕВА

Хугаев И.С.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Владикавказский научный центр Российской академии наук и Правительства Республики Северная Осетия-Алания (362027, г. Владикавказ, ул. Маркуса, 22), e-mail: vncran@yandex.ru

Исторический роман «Буйный Терек» широко известен, но мало изучен; в частности, история создания романа еще не была объектом специального рассмотрения. Здесь предпринята попытка реконструирования творческой истории романа Хаджи-Мурата Магомедовича Мугуева «Буйный Терек» на основе Фондов СОМОЛ и Фонда Хаджи-Мурата Мугуева, в частности, по материалам личной и деловой переписки автора, где роман в разные годы последовательно упоминается под разными рабочими названиями (автор трижды менял заголовки произведения); прослежено развитие творческой концепции данного текста: постепенное расширение хронотопа и трансформация элементов хроникального повествования в направлении концентрического сюжета; прояснена сюжетно-композиционная функция образа имама Казии-муллы, с которым связан исходный замысел и самый предварительный план романа; выявлено значение идеологических и историографических положений в формировании художественно-исторической системы Мугуева.

Ключевые слова: Хаджи-Мурат Мугуев, «Буйный Терек», исторический роман, заголовок, творческая история, Кавказская война, газават, мюридизм, Казии-мулла, Осетия, Фонды СОМОЛ.

FROM «KAZI-MULLAH» TO «WILD TEREK»: ON THE PROBLEM OF ORIGINAL HISTORY OF THE NOVEL BY KHADJI-MURAT MUGUEV

Khugaev I.S.

Federal state budgetary institution of science of the Vladikavkaz scientific center of the Russian Academy of Sciences and the Government of the Republic of North Ossetia-Alania (362027, Vladikavkaz, 22 Marcus Str.), e-mail: vncran@yandex.ru

The historical novel “Wild Terek” is wide known though hardly studied; in particular the history of novel’s origination has not yet been the object of special consideration. We made an attempt to reconstruct the original history of the novel “Wild Terek” basing on the SOMOL Funds and the Fund of Khadji-Murat Muguev, particularly on the author’s private and business correspondence, in which various titles of the novel has been mentioned at different periods of time (the author changed the title of the novel three times); the development of creative concept has been traced: a gradual extension of chronotype and transformation of elements of chronicle narration in the direction of concentric plot; we clarify the narrative-compositional function of the figure of Kazi-Mullah, with which the initial plot and the most preliminary plan of the novel were connected; we reveal the meaning of ideological and historiographical attitudes as Muguev’s artistic-historical systems has been taking shape.

Keywords: Khadji-Murat Muguev, “The Wild Terek”, Historical novel, Title, Original history, The Caucasian war, Jihad, Mouridism, Kazi-Mullah, Ossetia, SOMOL Fund.

Мы уже говорили [9], что исторический роман «Буйный Терек» – главное произведение Хаджи-Мурата Мугуева. Это вовсе не следует из того, что речь идет о самом крупном, тематически значимом и показательном жанровом прецеденте в наследии писателя, хотя и эти обстоятельства не лишены для нас смысла. Мы говорим о том личном для автора значении романа, которое выходит за строго профессиональные и творческие границы и которое самим автором зафиксировано в определении «главное дело жизни» [8: осн. фонд, ст. 2, пол. 1, кор. 9, п. 1].

Над «Буйным Терекom» Мугуев работал (естественно, не без перерывов и кризисов) тридцать лет. Первые черновые наброски к роману принадлежат к 1937–1938 гг. К 1938 году относится и первое упоминание в источниках и прессе того времени о замысле крупного эпического произведения на тему Кавказской войны; именно, 29 июля газета «Вечерняя Москва» опубликовала интервью с писателем, в которой он, в частности, сообщал о своих творческих планах: «Кроме того, я приступил сейчас к работе над историческим романом “Кази-мулла”» [8].

«Кази-мулла»: таково было первое, рабочее название произведения, которое в процессе методичной работы и в связи с неизбежными коррективами идейно-художественной концепции менялось впредь не один раз. Последнее обстоятельство проясняет работу над романом как с субъективно-психологической, так и с конъюнктурной, общественно-политической и идеологической стороны. Любой процесс, в том числе творческий, сам собой обнаруживает оптимальный критерий периодизации и динамики; для творческой истории «Буйного Терека» это – заголовок произведения, точнее – рабочие заголовки, отвергнутые автором в ходе работы.

Образ Кази-муллы (как вождя: это вполне согласуется с приоритетами литературного процесса конца 30-х гг., равно как и с психологическими алгоритмами творческого процесса), акцентируемый благодаря заголовку, определенно стягивал на себя силовые поля идейно-композиционного пространства планируемого романа. К началу Великой Отечественной войны его концепция была в основных и общих чертах определена; об этом свидетельствуют материалы фонда Х.-М. Мугуева – черновые наброски отдельных сцен и портретов (реальных исторических деятелей и вымышленных персонажей), схемы и планы. С наибольшей концептуальностью идейный замысел произведения декларируется автором в письме к неизвестному адресату: «Героической освободительной борьбе горских народов против царизма я посвящаю свой роман» [8].

Концептуальность мы видим не только в противопоставлении горских народов царизму, но и в той детали, что царизм оставлен Мугуевым без этнического определения. Мугуев тем самым обозначил подход к решению исторической проблемы Кавказской войны и базового конфликта романа с социологической точки зрения, а не этнической, культурной и (или) религиозной. Речь идет не о русском царизме, а о царизме как форме деспотии. Свои «царисты» были и среди кавказских народов, – и они-то, по замыслу Мугуева, должны были составить важнейшую в романе оппозицию представителям народного освободительного движения.

Это весьма существенная поправка к вполне официозной трактовке, прозвучавшей годом ранее: «Великая освободительная война кавказских народов... долгое время привлекала

внимание всего прогрессивного мира. Это была легендарная борьба маленьких героических горских племен с... русской империей, раздвигавшей свои границы в безудержном движении на восток. (...) Имена героев этой освободительной войны... никогда не умрут. О них поются песни, их именами называют горцы своих сыновей, о них в самых глухих аулах Кавказа и поныне рассказываются легенды и предания» [4: 67]. Гипотетически правомерно представлять себе историю работы над «Буйным Терек» как последовательное движение автора от формата освободительной борьбы (народной войны против иноземного захватчика) – к революционно-историческому.

Советская идеология клеймила царизм в части колониальной политики, безусловно, без учета гуманистической специфики русского колониализма: здесь нарисован хищнический образ, плохо согласующийся даже с наблюдениями западноевропейских историков. С другой стороны, мы видим «глухие аулы Кавказа», образ, работающий на дискриминацию результатов национальной политики в СССР, культурно-просветительских и цивилизационных задач русского просвещения: если и по сей день (при советской власти) есть «глухие аулы», значит, цели прогресса и просвещения все еще не достигнуты. Проблема «царизма» как классово-идеологического маркера для Мугуева, как в прошлом солдата первой мировой, была личной и экзистенциальной. Коллизия усугублялась его кровной связью со «старой русской армией», как называл царскую армию Мугуев, есаул 1-го Горско-Моздокского полка 1-ой Кавказской казачьей дивизии.

За приведенными здесь общими дефинициями так или иначе просматривается отношение Мугуева к кардинальным вопросам газавата и мюридизма на Северном Кавказе в первой половине XIX в.; взгляды писателя в этой части лежат в поле ортодоксальных, характерных для предвоенной эпохи, трактовок Кавказской войны и, пока гипотетически, типизации реальных действующих лиц этой истории – генерала Ермолова и имама Гази-Магомеда. Следует заранее сказать, что в своей основе система взглядов Мугуева не претерпит существенных изменений, даже с учетом такой долгой работы. Зато ортодоксальная историография время от времени инициировала введение поправок в соответствующие «статьи» отечественной истории (об этом подробнее в своем месте).

У Мугуева не было «особого мнения» по проблематике Кавказской войны, но это вовсе не значит, что А.И. Полосухин (брат героически погибшего под Москвой командира дивизии полковника В.И. Полосухина, сослуживца и товарища Х.-М. Мугуева) лукавил, утверждая, что «Буйный Терек» мог написать только человек с мужественным сердцем и неподкупной совестью» [8]. У Мугуева, как «писателя-солдата» [5: 80], было особое *чувство* Кавказской войны.

Заголовок «Кази-мулла» был обречен, – при всех его достоинствах (лаконичность, фонетический образ, элемент экзотизма). Имя собственное в качестве заголовка опосредованно и необоснованно сужало хронотоп и произвольно фокусировало внимание реципиента на конкретном образе подлинного исторического деятеля. Такой заголовок создавал ощущение некоторого дисбаланса в идейной конструкции, ибо актуализировал один из «берегов» Терека в ущерб другому; а Мугуев, очевидно, хотел достичь в этом важном пункте полного паритета. Писатель предпочитал наблюдать события не с одного из берегов Терека, а с умозрительного «моста» между берегами. Указанный дисбаланс усиливался и тем обстоятельством, что «Кази-муллой» называли первого имама русские: такое «просторечие» подчеркивало перекося в сторону прорусской субъективности и усугубляло противоречие с замыслом (хотя и исторически корректное «Гази-Магомед» было бы, думается, также отвергнуто автором).

Одно из последних предвоенных упоминаний о романе Мугуева относится к концу 1940 г. «...Кстати, как обстоят дела с «Покорением Кавказа»?» [8: осн. фонд, ст. 2, пол. 1, кор. 8. п. 1], – осведомился в частном письме к товарищу А.А. Ханжонков (один из корифеев российского кинематографа, кинопродюсер, режиссер и сценарист, основатель Ялтинской киностудии). Возможно, конечно, что «Покорение Кавказа» – это всего лишь условно-символическое обозначение текста, над которым в то время трудился писатель. Вероятность такого предположения опосредованно подтверждается отсутствием прецедента – аналогичного наименования в архивных материалах Мугуева. В то же время трудно представить себе, чтобы А.А. Ханжонков сознательно взял в кавычки и написал с большой буквы словосочетание, которое не было бы хоть частично легализовано и допущено к «внутреннему пользованию» самим автором. Заголовок – ключевой и самый «интимный» вопрос творческой кухни, важнейший тезис идейной системы, имеющий для последней самые далекие последствия. Следует, из соображений строгой последовательности, предположить, что формула «Покорение Кавказа» как возможное название будущего произведения принадлежит самому Хаджи-Мурату Мугуеву, что на определенном этапе работы он сам тяготел к такому варианту названия и использовал его в письмах к своему товарищу – к сожалению, утерянных.

Идейно-психологическая мотивировка последней формулы может показаться не вполне ясной, если обратить внимание на то, что «Покорение Кавказа» содержит, в сущности, тот же недостаток, что и «Кази-мулла», и даже в определенной мере потенцирует его. «Покорение» – явная тенденция с акцентом в духе русской великодержавности. Но Мугуев мог смириться (хоть временно) с элементом такого шовинизма ради достижения большей адекватности в отношении хронотопа и темы. В конце концов, он писал не биографический роман (как,

возможно, он мыслил свое сочинение в самом начале работы) и не повесть (как он определил жанр будущего произведения в 1937 году [9]), а роман-эпопею, в котором главным героем выступает народ, а не имам Дагестана и Чечни или главнокомандующий Кавказским корпусом. В этом смысле имя собственное «Кавказ» было в заголовке романа гораздо более предпочтительным, чем «Кази».

Мугуевский Гази-Магомед из главного героя произведения постепенно превращался в *одного из главных* героев. Неуклонно расширяющийся в ходе работы хронотоп романа требовал уточнения приемов масштабирования и разрешения картины, что опосредованно разъясняется в одном из позднейших (1964-1965 гг.) комментариев автора в письме в Союз писателей Северной Осетии: «Газават сам по себе – явление сложное, разноречивое и как политическое, и как религиозное, и как национальное явление... Надо было верно обосновать причины возникновения этого грозного движения, дать правильную оценку его развитию и дальнейшей трансформации газавата» [8].

Сразу после войны и демобилизации Хаджи-Мурат Мугуев вернулся к прерванной работе. В 1954 году первая книга его романа была закончена, а в 1957 году писатель предпринимает первые попытки ее опубликования. Задержка в работе и в решении вопросов по изданию произведения связаны, во-первых, с пошатнувшимся в результате ранений здоровьем (писатель почти ослеп на один глаз), во-вторых, с большой общественно-просветительской работой, связанной с командировками и переездами, и, в-третьих – принципиально важный пункт – с известной «антимюридической» кампанией в советской историографии, инициированной в 1950-м году М.Д. Багировым и А.Д. Данияловым.

В беседе с Муссой Хахимом (Моисеем Григорьевичем Домбой) на 1-м съезде писателей Северной Осетии, состоявшемся в г. Орджоникидзе (Владикавказе) в 1954 г., Мугуев с досадой сообщил своему другу о том, что «полотно готово, но ему не суждено увидеть света после выступления Багирова и его пресловутых высказываний о Шамиле» [8]. Мугуев не мог согласиться с «доктриной Даниялова – Багирова», по которой Кавказская война была «авантюрой» [6: 41] и результатом исключительно геополитических игр султанской Турции, а не свободным выбором свободолюбивых горцев. Нельзя сказать, что в «Буйном Тереке» вовсе игнорируется геополитика; здесь представлены не только турки, но и англичане, для которых кавказские имена «пахнут чесноком» [3: 218]. «Война на Кавказе ненужна никому, кроме Главного штаба и англичан» [3: 578], – говорит в романе представитель Главного штаба, генерал Корвин-Козловский. Возможно, оно и так, но сам Мугуев не хотел играть в геополитику на страницах своего романа: для него подобные ссылки только обозначают глобальный контекст, не имеют системно-содержательного значения. Он сосредоточен на Кавказской войне как на войне за национальную свободу, а на мюридизме –

как на революционном движении. Последний типизирован Мугуевым скорее как род «исламского *социализма*», а не экстремизма. Трактовка художественно правомерная: «В Коране... заложены... обязательные нормы социальной справедливости с требованием неукоснительного их исполнения. Поэтому никогда и не скрывалось, с самых ранних большевиков (к которым Мугуев и принадлежал – И.Х.), что ислам и социализм – союзники» [6]. «Мы тоже стремимся к тому, чтобы простой народ был свободен и сыт» [3: 560], - говорит мугуевский Кази-мулла.

Очевидно, какое-то время Х.-М. Мугуев пребывал в некотором замешательстве: он сознавал, что односторонняя багировская трактовка юридика и роли его вождей, коль скоро она возьмет верх над диалектикой, как минимум, ставит под сомнение успех его книги. Несмотря на то, что в определенной мере «общественное сознание было отравлено токсинами багировской спирохеты» [8] (выражение М. Хакима, достаточно жесткое, но из песни слова не выбросишь), Мугуев в конце концов согласился со своим другом в том, что «честному плательщику никакой налог не страшен» [8].

В мае 1957 года писатель ведет переговоры с редакцией журнала «Дон» о возможности «премьерной» публикации его романа. По техническим причинам («...печатание романа – 25 п. л. – растянется, и у читателя не останется целостного впечатления» [8], – резонно отвечали Мугуеву М. Соколов и М. Никулин). Но здесь важно отметить другое: роман упоминается под новым заголовком – «Дела давно минувших дней». Замена прежнего названия не может не быть связана с указанной выше решительной коррективой идеологического курса. Хаджи-Мурат Мугуев видел, что в новых историографических условиях «Покорение Кавказа» может восприниматься читателем как авторская декларация полного согласия с сомнительной концепцией Багирова и Даниялова и, соответственно, отпугнет читателя прогрессивного и самостоятельно мыслящего. Слово «покорение» в данном контексте мыслилось Мугуевым в семантическом ключе, восходящем к формулировке имама Шамиля: «Ты, Великий Государь, *покорил* мое сердце...» [2]. Теперь Мугуева могло смутить и несоответствие анонсируемого таким названием хронотопа. Возможно, на определенном этапе писатель допускал, что ему удастся довести сюжет до завершения Кавказской войны (в каком-то смысле исчерпать процесс «покорения»), но со временем он вынужден был отказаться от таких смелых допущений.

Судя по эпистолярным материалам конца 50-х гг., название «Дела давно минувших дней» не вызывало у Мугуева сомнений (то есть, оно использовалось без каких-либо оговорок). Подтверждается это и официальным заключением профессора И.Н. Бороздина, которое он озаглавил как «Рецензия на рукопись Х.-М. Мугуева «Дела давно минувших дней» (датировано 9 августа 1957 года; сокращенный вариант данной рецензии позже включался в

разные издания как предисловие к роману Мугуева). Мы не уверены, что данный заголовок лучше прежних; однако нам вполне понятны причины такого предпочтения со стороны автора. Элементы указанной выше односторонней тенденциозности формулировок «Кази-мулла» и «Покорение Кавказа» здесь абсолютно исключены, зато подчеркнуто равноправие сторон конфликта (разно-национальных и культурных концептов) перед идеей.

Кроме того, конструкт «Дела давно минувших дней» содержит временной маркер и, таким образом, в известном смысле концептуально историчен сам по себе: он отражает убежденность автора (пусть утопическую [9]) в безвозвратно ушедших временах смуты, насилия и взаимной отчужденности между народами России и Северного Кавказа.

Наконец, Мугуева, очевидно, прельщало то, что строка, как-никак, пушкинская: такое название романа выглядело (и было в действительности) не только концептуальным, идейно нагруженным, но и органичным для текста произведения, в котором, хоть эпизодически, присутствует и А.С. Пушкин, запечатленный во время его «арзрумского» путешествия. Следует иметь в виду, что взгляды поэта на Кавказ и горцев, его историософские и поэтические трактовки кавказской проблематики служили Мугуеву одним из важнейших элементов методологии.

Однако и строчка из «Руслана и Людмилы» в качестве заголовка романа была отвергнута. В сохранившихся эпистолярных материалах архива Мугуева название «Буйный Терек» впервые употреблено в письме, относящемся к самому началу 60 гг. (адресат не известен): «Первая книга «Буйного Терека» [была] сдана в «Советский писатель» в 1957 г. (...) Но, зная черепаши темпы «Советского писателя», я забрал рукопись и передал ее в Воениздат, где она вышла тремя массовыми тиражами...» [8].

Итак, в ходе работы над романом заголовок произведения менялся трижды. Заголовок – ключевой, алгоритмизирующий тезис любого текста; в таком случае последовательность тезисов «Кази-мулла» – «Покорение Кавказа» – «Дела давно минувших дней» – «Буйный Терек» отражает процесс формирования авторской концепции и методологии: расширение хронотопа, смещение акцентов историко-художественного изложения к полюсу художественности (гарантирующей некоторую свободу реальным героям истории и дающей жизненное пространство вымышленным персонажам), движение от факта – к наблюдению и оценке, и от оценки – к образу.

В самом деле, «буйный Терек» (как и «тихий Дон») – это уже образ. Образ самостоятельный и самобытный, богатый ассоциациями, одновременно отвлеченно-символический и – через топоним – конкретно-исторический. Благодаря этой емкой природе окончательной редакции заголовка автором опосредованно указываются и жанровые особенности повествования, и его пафос (*буйство стихии, романтика истории, борьбы и*

подвига), – при максимальной, поэтической лаконичности самого образа. Наконец нужное слово было найдено. И кажется логичным, что *наконец*: сперва ребенок – потом имя, сперва роман – потом заголовок. Если вновь созданный текст обладает само-бытием, он сам подсказывает автору последнее нужное слово, которое становится первым. Вероятно, так оно и было с «Буйным Тереком» Мугуева.

Стоит, к тому же, заметить, что последний заголовок естественно замыкает ряд названий (произведений Мугуева), связанных с речной топонимикой или с понятием потока: «К берегам Тигра», «Голубая река», «Весенний поток», «Буйный Терек». Данная последовательность иллюстрирует тип творческого темперамента писателя – способ переживания и осмысления времени и истории. Если, как говорит Г. Башляр, «для царства воображения можно постулировать закон четырех стихий» [1: 11], то Мугуев – писатель водной стихии.

«Главное дело жизни» Х.-М. Мугуева, тридцать лет работы: заметим, между прочим, что в эти тридцать лет укладывается почти вся творческая жизнь писателя: за это время были созданы десятки рассказов и повестей, в частности, известные военно-детективные, приключенческие и «шпионские» повести «Кукла госпожи Барк», «Градоначальник», «В тихом городке», «Бриллианты императрицы», «Господин из Стамбула». Эти и другие произведения написаны как бы на фоне «Буйного Терека» и в контексте работы над «Буйным Тереком», что, разумеется, не может не корректировать представление о творческой истории романа. Но мы абстрагировались от данного аспекта проблемы, требующего постановки специальной задачи. Здесь же необходимо и достаточно констатировать, что «Буйный Терек» синтезирует идейно-тематические и стилистические приоритеты, присущих мугуевской творческой концепции и эволюции, хронологически и пространственно обрамляя его литературное наследие. В каком-то смысле история «Буйного Терека» эквивалентна творческой биографии Х.-М. Мугуева.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Кавказская война XIX века в романе Хаджи-Мурата Мугуева «Буйный Терек»: историзм, нарратив, идеал», 2014-2015; проект № 14-14-15001, «а(р)».

Список литературы

1. Башляр Г. Вода и грезы. Опыт о воображении материи. – М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1998.
2. Гончарук С.И. Исторические судьбы многонационального государства СССР и созидательная роль Победы. – URL: http://militera.lib.ru/research/victory_ifran/03.html# (дата

обращения: 06.12.2014).

3. Мугуев Х.М.М. Буйный Терек: Исторический роман. – Владикавказ: Респект, 2012.
4. Мугуев Х.-М.М. Северная Осетия // Наша страна. – 1937. – № 9.
5. Полосухин А.И. Беглые воспоминания о детских и юношеских годах В.И. Полосухина // За нами Москва: Бородино. 1941. Воспоминания. Письма. – М.: Кучково поле, 2007.
6. Русаков И. Кавказ и «мальтузинская ловушка». Архаика против модерна. – URL: <http://www.apn.ru/publications/article28451.htm> (дата обращения: 10.12.2014).
7. Силантьев Р.А. Мусульманская дипломатия в России: история и современность. – М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2010.
8. Фонды СОМОЛ им. К.Л. Хетагурова. Фонд Х.-М.М. Мугуева.
9. Хугаев И.С. Бассейн и русло «Буйного Терека»: методологические подходы к изучению исторического романа Хаджи-Мурата Мугуева // Современные проблемы науки и образования, 2014. № 5; URL: www.science-education.ru/119-14559 (дата обращения: 01.12.2014).

Рецензенты:

Парсиева Л.К., д.фил.н., ведущий научный сотрудник ФГБУН Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева Владикавказского научного центра РАН и Правительства РСО-Алания, г. Владикавказ;

Гацалова Л.Б., д.фил.н., ведущий научный сотрудник ФГБУН Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева Владикавказского научного центра РАН и Правительства РСО-Алания, г. Владикавказ.